
Владимир Кожевников
Эхо поправок

Владимир Кожевников

Эхо поправок

https://litres.ru/74808802
SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцатилетняя Вера помнит два варианта одного дня: в одном её мать погибла, спасая чужого ребёнка, в другом — осталась жива, а девочка умерла. Вместе с Кириллом, братом погибшей, они становятся «парными эхами» — единственными, кто удерживает обе версии реальности. Их берут в Бюро «Точка возврата», где учат «сшивать» противоречия, забирая взамен чувственные воспоминания. Постепенно Вера узнаёт: Бюро готовит её в «нулевые свидетели» — человека, который сотрёт память обо всех поправках и построит безболезненный город без утрат. Но это будет город без памяти, без горя и, возможно, без любви. Вера должна выбрать между милосердной ложью и правом помнить — и заплатить за выбор невыносимую цену.

Содержание

Часть I. Поправка 4
Глава 1. Трамвай № 7 4
Глава 2. Не сейчас 9
Глава 3. Мама 15
Глава 4. Мальчик с чужой сестрой 21
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Владимир Кожевников
Эхо поправок

Часть I. Поправка

Глава 1. Трамвай № 7

В то утро трамвай № 7 ехал по улице, которой уже не было на картах. Вера знала это точно: она видела старый план города в кабинете географии, и там линия трамвая обрывалась у рынка, будто кто-то стер продолжение ластиком. Но трамвай все равно шел — скрипел на повороте, звенел, задевал дугой провода, и его тень ползла по мокрому асфальту, длинная и черная.

Вера стояла у окна с пустой чашкой в руках. Чашка была мамина: белая, с трещиной у ручки, с выцветшей синей птицей на боку. В течение трех лет Вера каждое утро доставала ее из шкафа, наливала чай, но не пила. Чай остывал. Потом она выливала его в раковину, и запах бергамота еще долго висел в кухне, смешиваясь с запахом газа и пыли.

— Опять не ешь, — сказал отец, не поднимая глаз от газеты.

Он всегда говорил это одинаково, будто читал строчку из

инструкции. На кухне было тепло, но как-то неправильно тепло, как в комнате, где долго болел человек. Тимур, младший брат, сидел над миской с хлопьями и ложкой гонял по молоку разноцветные кружочки. Ему было двенадцать, и он умел делать вид, что ничего не случилось. Вера не умела.

— Я не голодна, — сказала она.

Отец кивнул. За окном трамвай № 7 снова звякнул, и у Веры перехватило дыхание. Она всегда вздрагивала от этого звука. С тех пор как мама не вернулась с остановки. Вера не любила вспоминать подробности. В памяти остались только звон, запах горелой пыли и чужая красная куртка, мелькнувшая между колесами.

Вера надела куртку, сунула ноги в старые кеды и вышла из дома, не сказав ни слова. Отец не окликнул ее. Тимур не поднял головы. Только чашка осталась на столе, пустая, с синей птицей, которая никогда никуда не улетала.

До старого трамвайного кольца было двадцать минут пешком. Вера шла мимо гаражей, мимо ларька с выцветшей рекламой, мимо школы, где мама когда-то учила детей музыке. Теперь в музыкальном классе хранили спортивный инвентарь. Вера заглянула в окно: там стояли сложенные маты, и на них лежал слой пыли, как снег.

У кольца было пусто. Рельсы заворачивали полукругом и уходили в депо, за ржавые ворота. У поворота стояла будка диспетчера с заколоченным окном, а рядом, в луже, отражалось небо — серое, низкое, будто его придавили крышей

депо. Старый турникет, который когда-то отсчитывал пассажиров, теперь стоял без стекла, и в его металлической раме гнездились голуби. Вера подошла к турникету и положила ладонь на холодную перекладину. Здесь она разговаривала с мамой. Не вслух, конечно. Внутри.

— Я опять не пила чай, — сказала она мысленно. — Но я доставала чашку. Это считается?

Мама не отвечала. Ветер гнал по платформе обертку от мороженого, и она цеплялась за рельс, как белая бабочка.

И тут Вера увидела Кирилла. Он стоял у дальнего края платформы, у самого поворота, и держал в руках белые хризантемы. Мальчик как мальчик: темная куртка, растрепанные волосы, узкое лицо, слишком взрослое для своих девятнадцати. Он смотрел на рельсы так, будто ждал, что из-под них кто-то выйдет.

Вера сразу поняла, кто он. Она видела его фотографию в новостях три года назад: брат той самой девочки. Ася. Девочка, которую спасла мама. Вера тогда ненавидела эту фотографию. На ней Кирилл улыбался, а рядом стояла маленькая девочка с бантом. Теперь он не улыбался.

Кирилл опустился на колено и положил хризантемы на край платформы, у самых рельсов. Ветер тут же принялся трепать лепестки.

— Вы зачем здесь? — спросила Вера.

Кирилл обернулся. Его глаза были серые, как мокрый асфальт.

— Принес цветы, — сказал он. — А вы?

— Я здесь живу.

— На трамвайных путях?

— Рядом.

Они помолчали. Вера смотрела на хризантемы и чувствовала, как внутри поднимается что-то горячее и злое.

— Ваша мать не должна была лезть под трамвай, — вдруг сказал Кирилл.

У Веры перехватило дыхание.

— А ваша сестра не должна была бежать на рельсы.

Слова вылетели раньше, чем она успела их остановить. Кирилл побледнел. Хризантемы на платформе дрогнули от ветра.

— Она была ребенком, — сказал он тихо. — Ей было девять.

— А моей маме было сорок два, — ответила Вера. — И она тоже была чьим-то ребенком.

Они стояли друг напротив друга, и между ними лежали рельсы, блестящие от утренней сырости. Вера чувствовала, что еще немного — и они начнут кричать. Но кричать было не на кого. Мама умерла. Ася выжила. Так было.

Вдруг Кирилл посмотрел куда-то за ее плечо. Его лицо изменилось.

— Стой! — крикнул он.

Вера обернулась. Вера не заметила, когда на путях появилась девочка. Маленькая, в красном пальто, с бантом, кото-

рый съехал набок. Она стояла у самого поворота и смотрела на приближающийся трамвай. Трамвай № 7 вынырнул из-за угла, и его звонок ударил по воздуху.

Вера не помнила, как побежала. Она помнила только звон, ветер, запах горелой пыли и то, как Кирилл одновременно с ней бросился к девочке. Они столкнулись плечами. Вера схватила девочку за рукав, Кирилл — за другую руку. Трамвай замер. Не остановился, нет, — замер. В проводах еще гудело, а колеса уже не двигались. Звук оборвался. Лица пассажиров за стеклом стали плоскими, как на старых фотографиях.

И в этой тишине Вера услышала, как Кирилл шепчет:

— Не сейчас.

Она не знала, почему сказала то же самое. Но ее губы сами сложились в эти два слова. «Не сейчас».

Вера потеряла сознание. Последнее, что она увидела, — синюю птицу на маминой чашке. Чашка стояла на кухонном столе, хотя Вера была уверена, что оставила ее дома. Птица на боку была повернута к ней, хотя Вера точно помнила, что ставила чашку птицей к стене.

Глава 2. Не сейчас

Вера пришла в себя на скамейке у депо. Скамейка была мокрая, краска на ней облупилась, и ржавчина пачкала ладони. Вера села, чувствуя, как кровь стучит в висках, будто изнутри кто-то колотил в стенку черепа.

Первое, что она увидела, — девочку. Та сидела на корточках у турникета и разглядывала голубя, который застрял в металлической раме. Красное пальто было перепачкано, бант съехал совсем набок, но девочка была цела. Жива. Вера смотрела на нее и не понимала, что чувствует. Облегчение? Да. Но под облегчением было что-то еще, темное и липкое, как нефть под песком.

Кирилл стоял рядом с девочкой. Он держал ее за плечо, будто боялся, что она снова убежит на рельсы. Его лицо было белым, губы шевелились, но Вера не слышала слов. В ушах стоял ровный гул, как будто где-то далеко работал двигатель.

— Вы в порядке? — спросил Кирилл.

Он говорил громче, чем нужно. Или это Вере так казалось.

— Да, — сказала она. Голос был чужой, хриплый.

— Она не пострадала, — Кирилл кивнул на девочку. — Испугалась только.

Девочка подняла голову и посмотрела на Веру. У нее были серые глаза, как у Кирилла. Вера вдруг поняла: это же

Ася. Та самая. Но Ася была маленькой, ей было девять. Эта девочка выглядела на девять. Вера видела ее фотографию в новостях — бант, улыбка, красное пальто. Все совпадало.

— Как тебя зовут? — спросила Вера.

Девочка нахмурилась.

— Ася.

Вера почувствовала, как скамейка качнулась. Не в переносном смысле — буквально. Турникет наклонился, голуби взлетели все разом, и их крылья захлопали так громко, что Вера зажмурилась.

— Эй, — Кирилл шагнул к ней. — Эй, вы чего?

— Ася жива, — сказала Вера.

— Конечно, жива. Я ее вытащил.

— Нет. Вы не понимаете. Ася жива.

Кирилл посмотрел на нее как на сумасшедшую.

— Вы головой ударились? Я вам говорю: она жива, потому что мы ее вытащили. Вон она стоит.

Вера смотрела на девочку и видела две картинки одновременно. В одной Ася стояла у турникета и разглядывала голубя. В другой — лежала на рельсах, и красное пальто было распахнуто, и трамвай уже проехал, и люди стояли вокруг, и кто-то кричал. Вера помнила эти похороны. Помнила, как Кирилл стоял у гроба, сжав кулаки. Помнила, как мама пришла домой с остановки, вся в чужой крови, и долго мыла руки в ванной. Помнила, как через месяц мама умерла — не под трамваем, нет, она просто не проснулась однажды утром,

и врач сказал: сердце. Вера помнила два варианта, и они не совмещались.

— У вас телефон звонит, — сказала Ася.

Вера не сразу поняла, о чем она. Потом услышала: из кармана куртки доносилась трель. Она достала телефон. На экране светилось: «Мама».

Вера смотрела на это слово и не могла нажать кнопку. Мама. Мама, которая умерла три года назад. Мама, которая мыла руки в ванной. Мама, которая не проснулась. Мама, которая только что звонила.

— Возьмите, — сказал Кирилл.

— Это не может быть она.

— Возьмите трубку, — повторил он.

Вера нажала. Поднесла телефон к уху.

— Вера? — Голос был мамин. Точно мамин. С легкой хрипотцой, с той самой интонацией, с какой она говорила «ты опять не завтракала». — Вера, ты где? Я звонила домой, папа сказал, ты ушла. Ты почему не в школе?

Вера открыла рот, но не смогла произнести ни слова. В горле стоял комок.

— Вера? — Мама забеспокоилась. — Что случилось? Ты где?

— Я… — Вера сглотнула. — Я на старом кольце. У депо.

— Господи, что ты там делаешь? — Мама вздохнула. — Ладно. Стой там, я сейчас приеду. Никуда не уходи.

Вера опустила телефон. Руки дрожали.

Кирилл смотрел на нее внимательно. Девочка — Ася — уже потеряла интерес к взрослым и снова возилась с голубем.

— Кто звонил? — спросил Кирилл.

— Мама.

— И что?

— Моя мама умерла три года назад, — сказала Вера.

Кирилл молчал. Вера видела, как меняется его лицо: сначала непонимание, потом раздражение. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но остановился. Посмотрел на Асю. Потом снова на Веру. Потом на свои руки.

— Нет, — сказал он. — Нет, это бред.

— Я помню похороны, — сказала Вера. — Я помню, как вы стояли у гроба.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Я видела вас по телевизору. Три года назад. Вы несли ее фотографию.

Кирилл побледнел еще сильнее. Он отпустил плечо Аси и сделал шаг назад.

— Я не помню никаких похорон, — сказал он, но голос его дрогнул. — Я не помню.

— Помните, — сказала Вера.

Кирилл зажмурился. Открыл глаза. Посмотрел на Асю, которая все еще возилась с голубем. И вдруг его лицо изменилось. Он смотрел на сестру так, будто видел ее впервые — или будто видел сразу двух: ту, что стоит у турникета, и ту,

что лежит на рельсах.

— Я помню, — сказал он тихо. — Я помню, как ее хоронили. Я помню, как нес фотографию. Я помню, как мама кричала. И я помню, как она разглядывала голубя в прошлом году. Я помню два дня рождения. Два Новых года. Две поездки на море. Оба воспоминания — мои. Я не понимаю.

Вера хотела что-то сказать, но в этот момент мир снова мигнул. Не сильно — просто на секунду трамвайные пути стали двойными, будто кто-то наложил два кадра друг на друга. Потом все встало на место. Вера зажмурилась и открыла глаза. Кирилл смотрел на нее так, будто ждал объяснений.

— Что это было? — спросил он.

— Не знаю.

— Вы тоже это видели?

— Да.

Подъехал трамвай. Не тот, седьмой, а другой, с другим номером. Вера не заметила, как мама вышла из него и подошла. Просто в какой-то момент мама уже стояла рядом — в синем плаще, с сумкой через плечо, с волосами, собранными в хвост. Живая.

— Вера! — Мама взяла ее за плечи. — Ты бледная. Что случилось?

Вера не могла отвести взгляд. Мама была теплая. От нее пахло духами и немного — дорогой. Она была настоящая.

— Мама, — сказала Вера.

— Что? — Мама нахмурилась. — Ты меня пугаешь.

— Ты жива.

— Конечно, жива. — Мама улыбнулась, но в улыбке была тревога. — Ты что, головой ударилась?

Вера обняла ее. Крепко, так, что мама охнула. И в этом объятии она почувствовала, как что-то внутри нее трещит — не разрывается, а именно трещит, как лед на реке перед весной. Она помнила мамины похороны. Помнила запах хризантем. Помнила, как стояла у гроба и не могла заплакать. И одновременно она чувствовала, как мама гладит ее по спине, как мама шепчет: «Тише, тише, я здесь».

Вера закрыла глаза. И мир снова мигнул. На этот раз сильнее. Она услышала, как Ася говорит: «Кирилл, а почему тетя плачет?» — и как Кирилл отвечает: «Не знаю». И как мама говорит: «Вера, ты меня пугаешь». И все эти голоса звучали одновременно, накладываясь друг на друга.

Вера потеряла сознание во второй раз. Последнее, что она увидела, — турникет. В его металлической раме сидел голубь. Тот самый голубь. И у голубя было две тени.

Глава 3. Мама

Дом пах маминым чаем. Вера остановилась на пороге кухни и вдохнула этот запах — бергамот, немного мяты, немного пыли. Так пахло каждое утро ее детства. Так пахло до того, как все сломалось. И вот теперь — снова.

Мама стояла у плиты. На ней был передник с вышитой ромашкой, который Вера помнила с восьмого класса. Мама напевала что-то себе под нос — тихо, без слов, но мелодия была знакомой. Вера замерла. Это была та самая песня. «Аве Мария» Шуберта. Ее играли на похоронах.

— Ты чего встала? — Мама обернулась. — Проходи, садись. Я сделала сырники.

Вера села за стол. Сырники лежали на тарелке — золотистые, с румяными боками, посыпанные сахарной пудрой. Такие же, как в детстве. Такие же, как в тот день, когда мама умерла.

— Мам, — сказала Вера.

— Что?

— Ты помнишь, как мы ездили на море? В том году, когда Тимур сломал руку?

Мама нахмурилась.

— Тимур не ломал руку.

— Ломал. В Сочи. Он упал с велосипеда, и мы искали больницу, и ты всю ночь не спала.

Мама покачала головой.

— Вера, мы не были в Сочи. Мы ездили в Крым, когда Тимуру было пять. Но он ничего не ломал.

У Веры похолодели пальцы. Она помнила Сочи. Помнила гипс, помнила, как мама ругалась с врачом, помнила, как они ели мороженое на набережной, и у Тимура капало на гипс, и мама смеялась. Это было. Это точно было.

— А фотографии? — спросила Вера. — У нас есть фотографии из Сочи?

— Наверное, где-то есть, — сказала мама. — Но я не помню, чтобы мы туда ездили.

Она отвернулась к плите. Запах сырников стал гуще, и Вера вдруг почувствовала, что не может есть. Она смотрела на мамину спину — на то, как двигаются лопатки под тонкой тканью халата, — и вспоминала, как эта спина лежала в гробу. Нет, не так. Как эта спина стояла у гроба Аси. Как мама пришла домой с остановки, вся в чужой крови. Как она мыла руки в ванной, и вода была розовой. Как через месяц она не проснулась.

— Мам, а где альбом? — спросила Вера.

— Какой альбом?

— С фотографиями. Старый, в кожаном переплете.

Мама обернулась. В ее глазах было что-то настороженное.

— В шкафу, на верхней полке. Но там нет ничего интересного.

Вера встала и пошла в коридор. Шкаф был старый, с зер-

калом на дверце, и в зеркале отражалась квартира — перевернутая, незнакомая. Вера открыла дверцу и достала альбом. Он был тяжелый, с металлическими уголками, и пах пылью и старым картоном.

Она села на пол прямо в коридоре и открыла первую страницу. Свадьба. Мама в белом платье, отец в костюме, у отца смешные усы. Вера перелистнула. Рождение Веры. Мама в больничном халате, уставшая, счастливая. Перелистнула еще. Тимур в ванне, весь в пене. Перелистнула. Сочи. Набережная, пальмы, Тимур с гипсом на руке, мама смеется, отец держит мороженое.

Вера смотрела на фотографию и чувствовала, как у нее холодеют пальцы. Фотография была. Значит, Сочи был. Значит, ее память не лжет. Но мама не помнит.

Она перелистнула дальше. И замерла. На следующей странице было пустое место. Не просто пустое — там был след от фотографии. Клейкие края, потертости, тень. Фотография была вырвана. Вера провела пальцем по этому следу и вдруг поняла: это было фото с похорон. Маминых похорон. Кто-то вырвал его из альбома. Но след остался.

Она принялась листать дальше, надеясь найти еще что-нибудь. Но чем дальше, тем более обычными становились фотографии: дни рождения, школьные линейки, Новый год. Ни одной с похорон. Ни одной с кладбища. Будто кто-то прошел по альбому ластиком.

Вера уже хотела закрыть альбом, когда заметила, что

внутренняя сторона обложки чуть отходит. Она поддела край ногтем и обнаружила маленький кармашек, приклеенный к картону. В кармашке лежал прямоугольник. Поминальная карточка. Маленькая, с фотографией мамы — той самой, где она улыбается, — и с датами. Дата рождения. Дата смерти. Три года назад.

Вера смотрела на карточку, и пальцы у нее дрожали. Карточка была настоящая. Бумага была плотная, с золотым обрезом. На обороте было что-то написано маминым почерком. Вера перевернула. Там было два слова: «Помни меня».

— Вера? — Мама стояла в дверях кухни. — Ты чего там сидишь?

— Мам, — сказала Вера, не поднимаясь с пола. — Кто вырвал фотографию?

— Какую фотографию?

— Вот эту. — Вера показала на пустое место.

Мама подошла, заглянула через плечо.

— Не знаю. Может, Тимур баловался. Или я сама. Я иногда вырываю неудачные кадры.

— Это был не неудачный кадр, — сказала Вера.

Мама посмотрела на нее внимательнее. Ее взгляд упал на поминальную карточку в руках Веры. Она побледнела.

— Где ты это взяла?

— В альбоме. В кармашке.

Мама молчала. Ее лицо стало странным — будто она вспоминала что-то, чего не должна помнить. Она открыла рот,

чтобы что-то сказать, но остановилась. Потом сказала:

— Это какая-то ошибка.

— Мам, — сказала Вера тихо. — Ты умерла. Три года назад. Я помню похороны.

Мама вздрогнула. Едва заметно, но Вера увидела.

— Не говори так, — сказала мама. — Это не смешно.

— Я не шучу.

Мама отвернулась. Она подошла к окну и стояла там, глядя на улицу. Вера видела, как ее плечи напряглись.

— Мне снился сон, — сказала мама наконец. — Будто я на остановке, и трамвай, и девочка в красном пальто. И я бегу. И не успеваю.

Вера уставилась на нее.

— Ты помнишь?

— Это сон, Вера. Просто сон. — Мама обернулась. — Но иногда он такой яркий, что я просыпаюсь и не могу понять, где я. И у меня руки пахнут гарью. Хотя я ничего не готовила.

Вера встала с пола. Она подошла к маме и взяла ее за руку. Рука была теплая, живая.

— Мам, — сказала она. — Я тебя люблю.

Мама улыбнулась. Улыбка была растерянной.

— И я тебя. Ты чего-то не ешь.

— Сейчас поем.

Они вернулись на кухню. Вера села за стол и взяла сырник. Откусила. Сырник был вкусный, но чего-то не хватало. Вера прислушалась к себе и поняла: она не чувствует берга-

мота. Чай пах бергамотом, но вкус был пустой, как вода. Она сделала еще глоток. Ничего. Только тепло.

— Вкусно? — спросила мама.

— Очень, — сказала Вера.

Она съела сырник и запила чаем. И чай был теплый, и мама сидела напротив, и все было почти как раньше. Почти.

Глава 4. Мальчик с чужой сестрой

Вера вернулась к кольцу на следующий день. Она не сказала маме, куда идет. Просто надела куртку, сунула ноги в кеды и вышла, пока мама не начала задавать вопросы. После вчерашнего разговора в доме поселилось что-то новое — не тревога, а тихое ожидание. Мама поглядывала на Веру искоса, будто ждала, что она снова скажет что-нибудь странное. Отец делал вид, что ничего не замечает. Тимур смотрел на Веру с любопытством, как на человека, который знает секрет.

Кирилл уже был там. Он сидел на скамейке у депо, ссутулившись, с руками в карманах. Хризантемы вчерашние уже завяли, и ветер трепал их лепестки по платформе. Ася сидела рядом с братом и болтала ногами. Увидев Веру, она помахала рукой.

— Привет, — сказала Ася. — А вы вчера упали.

— Ася, — сказал Кирилл. — Пойди поиграй вон там. У турникета.

— Там голуби.

— Вот с голубями и поиграй.

Ася слезла со скамейки и пошла к турникету, напевая что-то под нос. Кирилл дождался, пока она отойдет, и посмотрел на Веру. У него были темные круги под глазами, будто он не спал.

— Вы тоже не спали, — сказал он.

— Не спала.

— Я всю ночь думал. — Кирилл потер лицо ладонями. — Я помню два варианта. Не только Асю. Я помню вашу мать. В одном варианте она жива. В другом — она умерла. Я помню ее похороны.

Вера почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Я тоже помню два варианта, — сказала она. — В одном мама жива. В другом — она умерла. И Ася жива. И Ася мертва.

Кирилл кивнул.

— Я помню, как Ася лежала на рельсах. — Голос у него был ровный, будто он читал список. — Красное пальто, бант. Я помню, как подъехал трамвай. Я помню, как она не успела. Я помню похороны. А потом я помню, как она разглядывает голубей. Как она ест мороженое. Как она смеется. Оба варианта — настоящие. Я не знаю, какой из них был первым.

— Мама спасла Асю, — сказала Вера. — В том варианте, который я помню. Она бросилась под трамвай. Ася выжила. Мама нет.

— А в моем варианте, — сказал Кирилл, — ваша мать не успела. Или не бросилась. Я не знаю. Я помню только, что Ася погибла. А ваша мать осталась жива. Я помню, как она приходила к нам. Как она плакала. Как она говорила, что не успела.

Вера смотрела на рельсы. Мама приходила к ним. Мама

плакала. Мама говорила, что не успела. В ее варианте мама не приходила ни к кому. Мама умерла.

— Значит, мы оба что-то сделали, — сказала Вера. — Вчера. На путях. Мы оба сказали «не сейчас».

Кирилл посмотрел на нее.

— Я думал об этом. Я хотел, чтобы Ася была жива. Вы хотели, чтобы ваша мама была жива. Мы оба пожелали одновременно. И что-то произошло.

— Но почему я помню оба варианта?

— Я тоже помню оба. — Кирилл нахмурился. — Может, так и должно быть. Может, когда двое желают одновременно, они оба становятся… — Он замолчал, подбирая слово.

— Эхом, — сказала Вера.

Слово вылетело само. Она не знала, откуда оно взялось. Но оно было правильным. Эхо. Как звук, который отражается от стен и возвращается. Как воспоминание, которое не хочет уходить.

Кирилл кивнул.

— Эхом, — повторил он. — Я всю ночь слышал этот звон. Трамвайный. Будто он у меня в голове застрял. И еще голос. Ваш голос. Вы сказали «не сейчас», и я сказал «не сейчас». И это было одно и то же слово. Будто мы говорили хором.

Вера смотрела на рельсы. Они блестели от утренней сырости, и в них отражалось небо — серое, низкое. Где-то в депо грохотали вагоны, и этот звук отдавался в зубах.

— Моя мама поет «Аве Мария», — сказала Вера. — Каж-

дое утро. Она не помнит, что это похоронная песня. Но поет.

— Моя мама не поет, — сказал Кирилл. — Она вообще перестала петь. После того как… — Он замолчал. — После того как Ася умерла. В том варианте. Но сейчас Ася жива, и мама все равно не поет. Будто в доме выключили свет, и никто не знает, где щиток.

Вера кивнула. Она понимала. Что-то сломалось. Не в маме Кирилла, а в мире. В самой ткани реальности появилась трещина, и через нее просачивалось прошлое, которого не было.

— Мы должны что-то сделать, — сказала Вера.

— Что?

— Не знаю. Но мы не можем просто сидеть и ждать, пока это станет хуже. У меня брат. Тимур. Он начал видеть вещи. Вчера он спросил, почему на фотографии в коридоре мама стоит с закрытыми глазами. Я посмотрела — на фотографии мама с открытыми глазами. А он видит закрытые. Будто он помнит что-то другое.

Кирилл побледнел.

— Ася тоже, — сказал он. — Вчера она спросила, почему у меня на руке шрам. У меня нет шрама. Но она говорит, что помнит, как я порезался, когда мы катались на велосипеде. Я не помню, чтобы катался на велосипеде. Но она помнит. И самое страшное — я почти вижу этот шрам. Как будто он был.

— Они протекают, — сказала Вера. — Оба варианта про-

текают друг в друга.

Они сидели молча. Ася у турникета пыталась поймать голубя, и голубь уходил от нее, важно переставляя лапы. Ветер гнал по платформе обертку от мороженого, и она цеплялась за рельс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.